

Ничто никогда не случилось

Жизнь и учение
Пападжи (Пунджи)

Книга вторая

Дэвид Годмен

**Ничто никогда не случилось.
Жизнь и учение Пападжи
(Пунджи). Книга 1**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436765

*Пападжи. Ничто никогда не случилось. Книга 1: Ганга, Открытый
Мир; Москва; 2006
ISBN 978-5-98882-021-5*

Аннотация

Пападжи (Х. В. Л. Пунджа) – современный просветленный учитель адвайты, ученик Раманы Махарши. Это первая книга трехтомного жизнеописания Пападжи, жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными событиями, главным из которых стала реализация его истинной природы. В этом томе описаны ранние годы Пападжи, его духовный поиск и сопутствующие ему чудесные явления: необычные состояния сознания, встречи с богами, духами, людьми, обладающими необычными силами, встреча с его учителем Раманой Махарши, последующая вскоре реализация и период становления Пападжи как учителя.

Содержание

Вступление	4
Ранний период жизни	10
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ничто никогда не случилось Жизнь и учение Пападжи (Пунджи) Том 1

составитель Дэвид Годмен

Вступление

Много лет назад я начал исследование, которое, как я надеялся, станет полной биографией ни с кем не сравнимого мудреца и святого Южной Индии Шри Раманы Махарши, чье присутствие и учение затронули, озарили и преобразили бесчисленное количество людей со всех уголков мира. Проект зародился в тот момент, когда я осознал, что природа такой сущности делает невозможным создание биографии с точным и объективным изложением определенных и конечных оценок. Истинный мудрец – это безымянное, бесформенное Сердце всего, что есть. Хотя он может казаться отдельной личностью со своими характерными особенностями

и историей, его слова и поступки – сырой материал для написания любой биографии – это прежде всего ответ тем вопрошающим умам, которые входят в контакт с ним. Каждый, кто обращается к истинному учителю, видит и испытывает что-то особенное, но любое переживание всегда лишь отражение потребностей, стремлений и внутренней зрелости самого индивидуума. Лишь тот, кто через его милость испытал прямой опыт его бесформенности, имеет наиболее ясное представление о нем. Как-то Шри Рамана написал в одной из своих тамильских поэм: «Только тот знает меня, кто познал мое истинное „Я“».

Осознавая все это, я решил сфокусировать свое исследование на жизни и опыте преданных ему учеников, которые пробудились благодаря его присутствию. На протяжении нескольких лет я накапливал материал из первых уст, раскрывающий ощущения пребывания и общения с ним, а также насыщения опытом распространяющегося внутреннего безмолвия. Сначала я задумал каждую главу посвятить одному из преданных ему учеников, но в двух случаях материал был настолько удивительным и в то же время объемным, что главы перерастали в целые книги. Первая книга – «Жизнь по учению Бхагавана» – впечатления свами Анна-малая после многих лет, проведенных с Шри Раманой, была издана в 1994 году. После этого практически целых три года я занимался сбором и редакцией материала о жизни и учении Шри Хариванша Лала Пунджи, теперь широко извест-

ного как *Пападжи*, *Пунджаби*, которого привело к Шри Рамане в 1940-х годах. В своих первых трех томах «Ничто никогда не случилось» я попытался отразить его жизнь, начиная с раннего детства и до момента, когда его учение стало широко привлекать жителей Запада, что произошло в 1980-х годах. Более поздние события, надеюсь, будут изложены в последующих томах. Я был бы рад получить информацию и письма от тех, кто встречался с Пападжи в 1980-х и 1990-х, что помогло бы дать, по возможности, наиболее полное описание его жизни.

Повествование книги «Ничто никогда не случилось», составителем которой я являюсь, главным образом ведется от лица самого Пападжи, но дополнено рассказами и ответами на вопросы членов его семьи и его учеников, а также встречаются мои собственные вставки, дополнения и комментарии, выделенные курсивом. Для удобства и простоты на протяжении всей книги я называю его *Пападжи* («Почитаемый отец»), хотя это имя и стало популярным всего лишь несколько лет назад. В другие периоды его жизни ему давали множество других имен и титулов: *Рам*, *Харбанз*, *Харилал*, *Пунджаджи*, *Свамиджи*, *Махарадж*, *Учитель* и даже *Скорпион-Баба*.

Поскольку Пападжи воспитывался и вырос в Индии, где главенствовали английские законы, его письменный английский скорее близок к британскому, а не американскому стилю. И как-то, несколько лет назад, Пападжи сказал мне, что

ему не очень нравится ранее изданная о нем книга, так как его образ в ней «слишком американизирован». В связи с этим я придерживаюсь британского стиля.

Для меня было большой честью и привилегией жить с Пападжи и работать над данной книгой. И теперь я посвящаю ее Шри Рамане Махарши и всем тем, включая Пападжи, кто соприкасался с ним и обрел знание истинного Я. Практически все последние пятнадцать лет я жил и работал именно с такими людьми. Я пишу о них с благоговением и с чувством величайшего почтения. Приводя хронику событий их жизни и их учения, я приложил все силы, чтобы изложить факты достоверно и тщательно, используя классический подход, что выводит текст за рамки церковно-житийной литературы. Но также не скрою, что для меня эти люди – проявление Бога на земле. Выражаю им искреннее почтение и уважение, а также благодарность за оказание помощи при поиске информации и за их стремление донести ее до широких масс в надежде, что по крайней мере несколько читателей проявят желание открыть для себя ту реальность, которую безуспешно являют собой эти гуру. Составленные мною книги – знак моего поклонения и почитания.

В заключение хочу привести стих Тукарама – святого, жившего в XVII веке и писавшего на маратхи, чье ощущение относительно написанного схоже с моим:

Слова – единственные сокровища, данные мне.

Слова – единственное одеяние, что я ношу.

Слова – единственная пища, поддерживающая мою жизнь.

Слова – то богатство, что я несу людям.

Тука (Тукарам) говорит:

«Свидетельствуй Слово.

Оно – Бог.

Я поклоняюсь Ему,

Вознося ему слова почтения».

Дэвид Годмен, Лакнау, март 1997 г.

Основные города и политические границы Индии и Пакистана

Ранний период жизни

В начале XX века зона вокруг города Лаялпур, расположенного на востоке штата Пенджаб, была скорее пограничной территорией. Английское правительство, преследуя цель колонизации земли, обещало предоставить землю в пятьдесят акров любому, кто пожелает расчистить территорию от зарослей леса и основать там фермерское хозяйство. Благодаря новому ирригационному каналу земледелие стало заманчивым коммерческим предложением, так что тысячи людей мигрировали из разных регионов Индии, где земля была более истощенной. В XIX веке англичане построили Лаялпур как центр новых разработок. Свое название город получил в честь одного лица, занимающего высокое положение в Британии, а центральные улицы походили на линии, изображенные на «Юнион Джек», государственном флаге Великобритании. Большая часть населения округа Лаялпура исповедовала мусульманство, но вновь прибывшие поселенцы, обосновавшиеся преимущественно в самом городе, были либо сикхами, либо индуистами, приехавшими, чтобы развернуть здесь свою деятельность. После первой волны поселенцев население города насчитывало около 40000 человек, из них примерно половину составляли сикхи и индуисты.

Семья Пападжи не принадлежала к пришлым поселен-

цам. Она относилась к небольшой общине браминов, которые жили на этой территории уже много поколений. Один из его предков был пандитом¹ при дворе махараджи Ранджита Сингха, последнем правителе Сикхского королевства, который управлял большей частью штата Пенджаб вплоть до середины XIX века. Пападжи относился к браминам, которые из поколения в поколение были пандитами, но отец Пападжи, Пармананд, нарушил эту традицию, устроившись на работу начальником железнодорожных путей. Английское правительство нуждалось в образованных и грамотных специалистах, которые могли бы вести административные дела, а так как таковыми были брамины (элита Индии), перед ними открывались новые возможности.

Примерно в 1911 году в возрасте двадцати лет Пармананд женился на шестнадцатилетней девушке Ямуне Деви. Два года спустя у них родился первенец – всего в семье было девять детей. По традиции, ребенка нужно было привезти в семью матери, чей дом находился в небольшой деревушке Мураливали, в пятидесяти милях на северо-восток от Лаялпура.

В других источниках указывается иная дата рождения Пападжи – 13 октября 1910 г. Хотя, опираясь на собранные мною данные: официальные документы, свидетельство

¹ Пандит (инд.) – ученый муж (титул, используемый в Индии в обращении к уважаемым людям). – Прим. перев.

членов его семьи и людей, знавших его в юности, а также по рассказам самого Пападжи о раннем периоде его жизни – я склонен считать, что Пападжи родился 13 октября 1913 года. Но, несмотря на то, что в официальных документах указана последняя дата, сам Пападжи придерживается другого мнения, считая датой своего рождения 1910 год, а записанные данные – ошибочными. Но в своем повествовании я предпочел более позднюю дату.

Пармананд часто переезжал с одной станции на другую, работал в отдаленных частях страны, где даже не было жилья, чтобы разместить членов своей семьи, и в связи с этим первое время Пападжи был лишен возможности жить с отцом. Первые шесть лет он преимущественно проводил с матерью в Мураливали, в доме ее родителей. Ближайший город с районной управой располагался в шести милях. К концу шестилетнего периода Пармананд купил дом в Гуру Нанак Пуре на юге Лаялпура – небольшая территория, в основном занимаемая браминами. Невзирая на то что Пармананд продолжал переезжать с места на место, живя и работая в разных частях Пенджаба и Балучистана, куда часто брал свою семью в командировки, их главным семейным очагом оставался дом в Лаялпуре, пока в 1947 году не произошло разделение Индии.

У Пападжи остались смутные воспоминания о том периоде жизни, когда ему приходилось переезжать из одного города в другой.

Однажды он сказал: «Я путешествовал всю свою жизнь. Всю свою жизнь я переезжал с места на место и находился там не более года, до тех пор пока в конце 1980-х не обосновался в Лакнау, – стал сказываться возраст».

Поездки были вызваны не только служебным положением отца. Каждый год в жаркий летний период вся семья выезжала по крайней мере на месяц в Харидвар, священный город, расположенный на берегах Ганги. Именно здесь Ганга покидает подножья Гималаев и протекает по равнинам Индии. Любовь Пападжи к Ганге и Харидвару в особенности, которую он пронес через всю жизнь, была заложена в те ранние годы, когда он ежегодно проводил несколько недель, играя на берегу реки.

Через всю жизнь я пронес Харидвар в своем сердце. Мы с родителями каждый год приезжали в этот город, даже когда я был еще маленьким ребенком, и проводили там по меньшей мере один или два месяца. Так как мой отец работал на железнодорожных станциях, у нас был бесплатный проезд. На время наших школьных каникул, которые длились два месяца, отец обычно брал отпуск и отправлялся с нами в Харидвар. В Ганге я научился плавать – тогда мне было всего лишь пять лет. Мне даже удалось переплыть реку в таком раннем возрасте.

Родители Пападжи были истинными практикующими

индуистами. Ямуна Деви пела бхаджаны женищинам своей дереушки, в то время как Пармананд был практически фанатиком джапы «Джей Ситарам». Джапа – повторение имени Бога. Самого Пападжи привлекала духовная жизнь, но его тяга нашла выражение не просто во внешних практиках. Напротив, с трех–или четырехлетнего возраста он спокойно сидел в одиночестве, закрыв глаза, всецело погружившись в поток тишины, проходящий через него. Его ранние проявления духовности настолько поразили родителей, что они прозвали его Рамой. Считается, что Рама – герой «Рама-яны» – был воплощением Вишну. Попросту говоря, Рама – распространенный термин для обозначения самого Бога.

У Пападжи сохранилось несколько воспоминаний из раннего детства, но большинство подробностей я почерпнул из рассказов его младшей сестры Сумитры, хотя, возможно, она была слишком мала, чтобы самолично засвидетельствовать некоторые события. Неординарное поведение Пападжи в таком раннем возрасте стало частью семейного фольклора. Мой разговор с Сумитрой состоялся в 1994 году в ее доме в Дели. В своих ответах она постоянно называла Пападжи «Бхай Сахибом» – на языке пенджаби этот термин обозначает «почитаемый старший брат».

Дэвид: Каковы ваши первые воспоминания из жизни в семье?

Сумитра: Родилась я в 1918 году, так что я на пять лет младше *Бхаи Сахиба*. Поэтому я помню события начиная где-то с 1920 года. Наш отец был начальником железнодорожных станций в разных местах. Он редко бывал дома, так как ему часто приходилось переезжать из одного города в другой.

Дэвид: Вы помните какие-нибудь места, где он работал начальником станций?

Сумитра: В основном он работал в очень маленьких поселениях. Одно из них называлось Чичон Ки Малиан, оно располагалось на пути от Лаялпура до Лахоры. Также он часто выезжал в Гати и Убас Пур – они оба находятся недалеко от Лаялпура. Около Харалпы есть станция Дэд Патиани, а еще он как-то работал в Мултане и еще во многих местах, но названий я не помню.

Дэвид: Вы везде сопровождали своего отца, куда бы его ни направили, или оставались на прежнем месте?

Сумитра: Обычно мы следовали за ним повсюду. Он получал направление каждые несколько лет, и везде нам обязаны были предоставить жилье. Вначале поселения, куда нас направляли, были очень маленькими. Преимущественно это была сельская местность, где практически отсутствовали ка-

кие-либо удобства. Чтобы купить овощи, нам приходилось идти прямо к фермерам на поля, так как зачастую это было единственным местом, где можно было купить еду. Также мы держали буйволиц, благодаря которым у нас были молоко и сливки. Мы все очень любили молоко и сливки, но их никогда не было в избытке.

Когда мы были маленькими, вокруг нас всегда было много буйволиц. Иногда они даже жили у нас дома. Бывало, *Бхаи Сахиб* со своим братом приводили их из расположенных неподалеку джунглей, где они паслись. В этих местах было так много змей, что стоило лишь посидеть некоторое время на одном месте, как они начинали ползать прямо по вам. *Бхаи Сахиб* сказал мне, что они когда-нибудь съедят его завтрак, который он брал с собой. Но он не испытывал никакого страха перед ними. Будучи еще совсем маленьким, он, бывало, возьмет змею и обернет ее вокруг своей головы. Ему нравилось играть со змеями.

Дэвид: Какие развлечения были в таких отдаленных местах? Как вы проводили время?

Сумитра: Большое удовольствие нам доставляло играть с поездами. Когда они приезжали на станцию, мы играли внутри них, а когда трогались с платформы, то запрыгивали и спрыгивали с них на ходу.

Бхаи Сахиб был очень озорным ребенком. Зачастую объ-

ектами его проказ становились лавочники, владельцы магазинов. Обычно, когда солнце припекало особенно сильно или было много дел, они оставляли дела на подростков, а в это время *Бхаи Сахиб* уже подкарауливал их. И как только лавочники отворачивались, он обливал их горячей водой, а однажды даже бросил в них еще неостывший пепел.

Дэвид: Пападжи рассказал мне, что в детстве мать часто звала его *Рамой*. Как он реагировал на это?

Сумитра: Еще в самом раннем детстве он часто обмазывал тело пеплом и выполнял *пуджанат* (ритуальные религиозные практики, включающие *пуджу*, *джану*, а также декламирование духовных текстов). И, пребывая в таком состоянии, он постоянно повторял: «Я Рама. Я Рама». Поэтому-то отец в шутку прозвал его *Рамой*. Вот так и приклеилось к нему это прозвище, а родители до конца дней своих продолжали звать его *Рамой*.

Имя Рама было не просто детским прозвищем. Мне довелось встретить тех преданных ему учеников, которые использовали такое обращение вплоть до середины 1970-х годов. Однако родители Пападжи обычно звали его Харбанзом, – это уменьшительно-ласкательная форма от имени Харивани.

Дэвид: Какие еще духовные практики он выполнял? Что вы помните из его ранней духовной жизни?

Сумитра: Он часто ходил в ашрамы *садху*, расположенные за городом. Он часто оставался в них до самой поздней ночи. И когда однажды мать отругала его за то, что он приходит за полночь, он ответил: «Разве я буйволица, которая должна приходиться домой к шести, чтобы ты подоила меня?» А если он и вовсе не являлся домой, отец шел искать его в *садху бела* (лагерь *садху*), за чертой города. Такое случалось, когда мы жили в Лаялпуре. Отец всегда знал, где его искать. И если *Бхаи Сахиб* не приходил домой, его всегда можно было найти у местных *садху*.

Садху – это индусские монахи, ведущие кочевой образ жизни и живущие за счет подаяний. Но группа садху, обитавшая в пригороде Лаялпура, не относилась к индуистам, а принадлежала к сообществу мусульман, известному как «Маст Каландар»; они славились своими плясками, пением и нестандартным поведением. В 1995 году одному из своих преданных учеников Пападжи дал имя Маст Каландар. Этот ученик не был знаком с их традицией и попросил разъяснить, что означает данное имя.

Маст Каландар: Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о «Маст Каландарах», которых вы встречали?

Пападжи: В дни моего детства за чертой города жила такая группа людей. Они всегда были одеты в черное, а их запястья были украшены металлическими браслетами. Во время пения и повторения мантр они ритмично ударяли палками по своим браслетам. Они были счастливы и не носили бремя забот. А занимались они тем, что ходили по окрестностям, распевая: «Маст Каландар, Маст Каландар». Вот так их и прозвали. Многие жители Пенджаба побаивались их, считая маст каландаров опасными и слегка «не в себе», но мне нравилось их общество. Если ты маст каландар, тебе незачем о чем-либо беспокоиться. Им даже не приходилось просить подаяния. Они просто пели и плясали, ударяли в браслеты и кричали: «Маст Каландар» – люди сами приходили и давали им еду. Каждую ночь с 10 вечера до 6 утра они танцевали и пели в своем лагере. Мне нравилось приходить к ним, но я знал, что родители никогда не разрешат остаться с ними на всю ночь.

Я частенько говорил своей матери: «Я договорился с одним из своих друзей делать вместе домашнее задание. Я останусь у него на ночь, а утром пойду с ним в школу».

В то время как мои родители думали, что я выполняю домашнее задание или сплю, я уже был с маст каландарами и наблюдал, как они танцуют и поют. Они частенько нанмали местных проституток, которые танцевали для них, естественно, за определенную плату. Лидер этой Лаялпурской

группы был наделен своего рода *сиддхой* (сверхъестественной силой): он мог по своему желанию материализовывать рупии, так что у него всегда находились деньги на развлечения членов группы «Маст Каландар». В те времена на рупию можно было купить многое, а сегодня на тот же товар уходит сотня рупий. Казалось, что у этого человека неиссякаемый запас денег. Стоило ему потереть ладонью о колено, как в его руке появлялась рупия. И у девушек он пользовался большой популярностью, так как за исполненный танец он платил каждой по рупии (их обычная ставка была намного ниже). В наши дни люди вроде Сатъя Саи Бабы материализуют вибхути (священный пепел) для своих преданных, но что можно сделать с вибхути? Материализация денег для оплаты собственного времяпровождения – гораздо более практичное достижение.

Как только Пападжи пропал из дому, его родители знали, что скорее всего они найдут его в садху бела за пределами города.

Однажды, когда отец пришел забрать его, Пападжи сказал: «Зачем ты идешь искать меня, а не оставишь с Богом?»

Пармананд никогда не позволял ему оставаться с ними. Но, несмотря на то, что он частенько отчитывал садху за то, что они позволяют его сыну проводить с ними так много времени, маст каландары не запрещали Пападжи присутствовать на их представлениях.

В книге «Интервью с Пападжи» я привел другой произошедший с ним в его ранние годы случай. Вот что рассказал Пападжи:

В детстве другие мальчики воплощали свои фантазии в жизнь, играя в солдат или представляя себя знаменитыми спортсменами или правителями. Я же, напротив, стремился подражать *садху*. У меня не было ни малейшего представления о внутренней жизни таких людей, меня вполне удовлетворяло внешнее подражание им. Я отчетливо помню тот день, когда я решил изобразить нагого *садху* и приобщил сестру к своей игре. Мы разделись, обмазали свои тела древесным пеплом, имитируя *вибхути*, и сели, скрестив ноги, перед огнем, который разожгли в саду. На этом мы и ограничились, так как ничего не знали о медитации или йоге. Один из наших соседей случайно заглянул через садовую стену и, по-видимому, был шокирован, увидев обнаженную девочку, вымазанную в золе. Наши мысли были настолько чисты, что нам и в голову не пришло, что не подобает девочке сидеть так во дворе абсолютно голой. Сосед позвал нашу мать, и игре тут же был положен конец.

Я расспросил об этом Сумитру, полагая, что, должно быть, сестрой в этой истории была она.

Дэвид: Пападжи рассказал случай о том, как однажды он

снял с себя всю одежду, обмазался древесным пеплом и сел в саду, изображая *садху*. Он упомянул, что уговорил одну из своих сестер последовать его примеру и присоединиться к нему. Этой сестрой были вы?

Сумитра: (*Смеется.*) Нет. Это была не я, а дочь одного из наших соседей. Ее звали Шейлой. Ее мать очень разозлилась, когда увидела ее обнаженной в нашем саду. Она пришла к нашей матери и пожаловалась: «Что же они такое вытворяют? Что же делают?» Она никак не могла взять в толк, что это всего лишь два ребенка, которые играли в *садху*. Мы знали, что *Бхаи Сахиб* любил играть в *садху*, но нам стоило больших трудов убедить соседей, что это была всего лишь безобидная игра.

Дэвид: И часто он так сидел?

Сумитра: Он часто сидел на полу, скрестив ноги. А когда к нему приходили его друзья, он заставлял и их садиться на пол таким же образом. Для *Бхаи Сахиба* это была не игра. Он часто входил в необычное состояние, и сразу было видно, что он каким-то образом преображался. Его лицо настолько преображалось, что он больше не походил на того *Бхаи Сахиба*, которого мы знали. Во время этих преобразений у него волосы вставали дыбом.

Однажды, когда он вышел из такого состояния, я задала

ему вопрос: «Куда ты отправляешься, что даже твоя внешность преобразается?»

Ответ был таков: «Это не похоже на путешествие на поезде. Скорее это можно сравнить с полетом на самолете, пересекающем воздух».

Двенадцатая улица, Гуру Нанак Пур, Лаялпур.

На этой улице Пападжи со своей семьей жил вплоть до 1947 года. Фото сделано недавно. Так как прошло практически пятьдесят лет с того момента, когда он в последний раз видел эту улицу, Пападжи не смог сказать точно, в каком доме он жил.

У Пападжи совершенно не оставалось времени на выполнение школьных заданий из-за пребывания по ночам в лагерях садху и медитирования дома. Однако его это не беспокоило, так как он совершенно не интересовался учебой.

Во время учебы в школе я не делал домашнее задание. Я с большим удовольствием проводил время в игре. А на следующий день, бывало, иду в школу, а у самого коленки дрожат, потому что знаю: скорее всего меня накажут за невыполненное задание. Но, несмотря на это, я так его и не выполнял. Играть было намного веселее. Иногда нас наказывали розгами за невыученный урок, но чаще всего учитель заставлял нас весь день стоять. Мне нравилось стоять – намного лучше, чем сидеть, пытаюсь решить все задачи, которые учитель продолжал нам задавать. А розгами наказывал нас не он. Так как они хранились у старшего преподавателя, он отправлял

нас к нему.

Я выполнил очень мало заданий за весь период обучения в школе. Мне нравилось играть с друзьями, а еще я с большим удовольствием ходил по ночам с садху, и у меня просто не было времени на выполнение школьных заданий. В детской футбольной команде я был вратарем, и мне приходилось стоять долгое время, ничего не делая. Вратарь редко принимает участие в самой игре. Большую часть времени он стоит и ждет, когда возникнет угроза воротам.

Как только я входил в класс, мой учитель переходил в наступление: он просил меня показать домашнюю работу. А когда узнавал, что она не сделана, отправлял меня в угол, где я проводил весь день, пялясь на стену. Но когда эти наказания не приносили желаемого результата, он заставлял меня встать на мою парту и так стоять весь день. Он думал, что я когда-нибудь устану и захочу сесть, но я никогда не сдавался. Мой статус вратаря научил меня стоять весь день, не чувствуя усталости.

Если бы мне было дискомфортно стоять весь день на парте, я бы вообще не ходил в школу. Я бы просто ушел и играл один. Лично я считаю, что детям большую пользу приносят игры, а не сидение за партой и изучение книг. Полагаю, именно это я понял в то время. Я всегда задавался вопросом: «Зачем мне тратить свое время впустую, когда вместо этого я могу пойти во двор и поиграть?»

Ключевым событием детских лет Пападжи стал тот глубокий опыт, который он испытал, когда с семьей навещал своих родственников в Лахоре. Думаю, этот случай, который он охарактеризовал как свое «раннее воспоминание», предшествует всем ранее изложенным историям. Справедливости ради стоит сказать, что этот случай фактически определил дальнейший ход развития событий его детства и юности.

Это произошло в 1919 году. После победы англичан в Первой мировой войне все школьники были отпущены на одномесячные каникулы, чтобы они могли присоединиться к празднованию победы. Нам даже раздали маленькие значки в память об этом событии. Мать решила, что следует воспользоваться внеурочными каникулами и навестить родственников в Лахоре. Визит, должно быть, состоялся летом того года, потому что я отчетливо помню, что как раз созревали плоды манго.

Как-то вечером, когда мы все собрались в доме моих родственников в Лахоре, кто-то начал готовить для всех напитков из манго, молока и миндаля. Для мальчика моего возраста это должно было быть лакомым угощением, но когда мне протянули наполненный стакан, я даже не сделал попытку взять его. Не то чтобы я не хотел его, просто я погрузился в то самое удивительное состояние, которое умиротворяет и наполняет ощущением счастья. Вот почему я был не в состо-

янии отреагировать на предложенное угощение. Моя мать, так же как и другие присутствовавшие женщины, была удивлена и встревожена моей пассивностью. Они окружили меня, пытаясь понять, что же случилось и что со мной делать. К тому времени я сидел уже с закрытыми глазами. Несмотря на то что я был не в состоянии отвечать на их вопросы, я прекрасно слышал, что происходило вокруг меня и чувствовал их попытки вернуть меня в нормальное состояние. Они трясли меня, шлепали по лицу, щипали за щеки, кто-то даже стал подбрасывать меня, но все было тщетно: физически я никак на это не реагировал. Это не было упрямством. Ощущение, которое меня охватило, было настолько безграничным, что парализовало мои способности реагировать на внешние раздражители. В течение часа они испробовали всё, что могли, чтобы привести меня в чувство, но тщетно.

Я не был болен, и такое ни разу со мной не случалось раньше, и непосредственно перед тем как это произошло, у меня не было никаких странных симптомов. Именно из-за того, что все случилось неожиданно, без каких-либо признаков заболевания, и никакая тряска не приводила меня в чувство, члены моей семьи пришли к заключению, что в меня внезапно вселился злой дух. В то время не было психиатров, к которым можно было бы обратиться. А когда случалось что-то неординарное, жертву обычно вели в местную мечеть, чтобы *мулла* (священник мусульман) смог изгнать злой дух. Мы, бывало, даже приводили к нему своих буйволиц, когда

они заболели или переставали давать молоко, в надежде, что при помощи особых процедур или мантр он как-нибудь устранил недуг.

Поэтому, невзирая на то, что моя семья исповедовала индуизм, меня принесли в местную мечеть и показали *мулле*. Он монотонно бормотал что-то, одновременно вода вдоль моего тела железными щипцами – таков был ритуал изгнания злого духа. *Мулла* с присущим ему оптимизмом сказал, что я скоро поправлюсь, но его старания, так же как и попытки моей семьи вывести меня из этого состояния, были безуспешны. Меня, все еще «парализованного», принесли домой и уложили в постель. Целых два дня я пребывал в состоянии покоя, счастья и блаженства. Хотя я и не мог реагировать на внешнюю среду, я осознавал все происходящее вокруг меня.

По прошествии двух дней я открыл глаза. Моя мать, будучи ревностной *бхактой* Кришны, подошла ко мне и спросила: «Ты видел Кришну?»

Увидев, как я счастлив, она отказалась от своей первоначальной идеи о моей одержимости злым духом и решила, что мне был ниспослан мистический опыт через почитаемого ею божества.

«Нет, – ответил я, – я могу сказать только, что был очень счастлив».

Как только спала первая волна оживления, я и мои родители перестали думать о причинах случившегося. Я не знаю,

что это было и что послужило причиной такого неожиданного погружения в интенсивное и парализующее ощущение счастья.

На дальнейшие расспросы своей матери я отвечал: «Это было безграничное счастье, безграничный покой, безграничная красота. Больше я ничего не могу сказать».

Моя мать, должно быть, не отказалась от своего предположения. Она принесла картинку с изображением Кришны-ребенка, показала ее мне и спросила: «Ты видел кого-нибудь похожего на него?»

И снова я повторил: «Нет. Не видел».

Хотя это и не имело прямого отношения к моему опыту, ей все-таки как-то удалось убедить меня, что пережитое мною состояние счастья связано с тем, что я вошел в контакт с Кришной. Благодаря ей я стал преданным Кришны, – она говорила, что если я буду медитировать на Кришну и повторять Его имя, то рано или поздно вновь испытаю этот опыт.

Такой рассказ с минимумом изменений был опубликован в книге «Интервью с Пападжи». А в 1995 году, когда один финский журналист по имени Риши беседовал с Пападжи, он рассказал еще кое-какие подробности:

Во время пребывания в этом состоянии у меня из глаз текли слезы. Это были слезы счастья. А когда я вышел из трансa, моя мать спросила, почему я плакал, но я ничего не мог

ей ответить: я даже не помнил этого. Она настолько тревожилась за меня, что несколько дней не спускала с меня глаз и даже укладывала спать рядом с собой.

Спустя несколько дней мы вернулись в Лаялпур, и я опять пошел в школу. Но в моем мозгу все время крутилась одна мысль: «Что именно дает мне постоянное ощущение счастья?» И я не мог сосредоточить свое внимание ни на чем другом.

Наш дом находился в большом саду, где рос мандариновый куст. Каждый день, приходя из школы, я брал в руки книгу и садился рядом с этим кустом. Меня не интересовало содержание книги, она нужна была лишь для отвода глаз. Я хотел убедить своих родителей в том, что выполняю домашнее задание. Мне трудно описать, что именно происходило внутри меня. Знаю лишь, что какая-то сила неотвратимо уводила меня от всех мирских видов деятельности.

Как пришел ко мне этот опыт? Я не знаю. Это произошло без каких-либо усилий с моей стороны. Я ничего для этого не делал, я даже не слышал, чтобы подобное когда-либо случалось с кем-то еще. Никто из членов моей семьи не упоминал о таких состояниях. В то время мы не были знакомы с хинди или санскритом, поэтому и не читали философских трудов на этих языках. В школе и дома мы учили персидский и урду и могли прочитать некоторые поэмы, написанные на них, но поэмы давних времен не могли помочь мне понять, что же все-таки произошло.

Риши: Как повлиял этот опыт на вашу дальнейшую жизнь?

Пападжи: Прежде всего я бы не стал называть это опытом, так как он подразумевает наличие воспринимающего и воспринимаемого. А в моем случае и то и другое отсутствовало. То, что тянуло меня изнутри, не имело формы. Я не знаю, что это было. Но ты спрашиваешь о том, какое влияние это оказало. Это намного легче описать. Внутреннее счастье не ушло, когда мое тело вернулось в нормальное функционирующее состояние. И с того самого момента оно никогда не покидало меня. Внутреннее счастье осталось, но я так и не знаю, что это.

Несколько лет назад, в 1994 году, во время проведения одного из своих сатсангов в Лакнау он снова подчеркнул неопи-симость природы произошедшего с ним:

Я ничего не видел, совершенно ничего не чувствовал – так как же я могу это описать? Единственная фраза, которая может более или менее передать мой опыт, – «беспричинное счастье». Когда меня спрашивают, что же произошло в тот день, я погружаюсь в это пространство блаженства, пространство вне времени. Я не могу описать его, но оно все еще здесь, хотя с тех пор прошло уже много лет. Я не могу

назвать его «ничто» и не могу назвать «чем-то». Это осознаешь, но не можешь выразить словами. Иногда я называю это пустотой, но и это не совсем так. Это слово не отражает той радости и ничем не омраченного блаженства, присущих такому состоянию.

Предоставляю возможность Риши задать следующий вопрос, напрашивающийся сам собою:

Риши: Почему вы стали таким страстным преданным Кришны после такого глубокого опыта Я?

Пападжи: Я уже говорил, что ничего не испытывал, так как не было того, кто мог бы что-то испытать. Что же касается опыта «Я», то тогда я даже и не знал, что означает этот термин.

Моя мать была преданной Кришны, как и миллионы других людей по всей Индии. Я впитывал истории и традицию *бхакти* Кришны от моей матери, пока они не стали частью и моей жизни. Я полюбил Его форму, потому что для меня Он был такой прекрасной личностью.

Мои мысли были чисты, и мои отношения с Ним не были обычными. Большинство *бхактов* Кришны считали Его великим, самым Богом. Они пытались любить Его, как преданные любят Бога. Но Бог – это сама любовь, и он не нуждается ни в чьей любви. Вначале я не был настоящим Его почитате-

лем. Я был Его другом. Я любил Его, как друга, поэтому Он приходил ко мне в этой форме и играл со мной. Я не относился к Нему как к Богу. Я просто смеялся и играл с Ним так же, как если бы это был такой же мальчик моего возраста.

Следуя совету своей матери, Пападжи начал выполнять традиционные садханы бхакты (религиозные практики). Результат был немедленным:

Моя мать сама обучала меня, как выполнять многочисленные ритуалы и практики, относящиеся к культу Кришны. Стоило мне начать, как во мне проснулась страстная и глубокая любовь к форме Кришны.

Больше всего мне нравилась картинка с изображением Кришны-ребенка – та самая, которую мать показала мне в тот день, когда я вышел из двухдневного состояния транса. Его лицо мне казалось неопишимо красивым, завораживающим, и мне не стоило большого труда направить на него всю свою любовь и преданность. Эта картинка была напечатана в другой стране, и на изображении была видна совершенно неуместная надпись: «Сделано в Баварии».

В результате такой глубокой *бхакти* Кришна стал являться мне, принимая тот же облик, что и на картинке. Он периодически приходил ко мне ночью, играл со мной и даже пытался спать в моей постели. В то время я был невинным ребенком. Я не понимал, что такого рода проявление было

одним из великих благ индуизма и что некоторые преданные всю свою жизнь проводили в практиках и медитациях, стремясь увидеть Его хотя бы на мгновение. По своей наивности я думал, что это было вполне естественно для Него появляться вот так в моей спальне и играть со мной.

Его физическая форма была настолько же реальна, как и моя собственная (я мог прикоснуться к нему и пощупать), но Он являлся мне и в более тонкой форме. Если я закрывал голову одеялом, то все равно продолжал Его видеть. Даже когда закрывал глаза, передо мной стоял Его образ. «Мой» Кришна всегда излучал энергию задора. Он всегда появлялся после того, как я ложился спать, и мой сон, естественно, как рукой снимало, и мы играли в ребяческие игры, от которых уже никак не хотелось спать. Когда прошло чувство новизны Его визитов, я стал ощущать, что Его появления стали мне немного досаждают, так как Он не давал мне спать, даже когда я очень уставал. Я уже стал подумывать, как бы Его выпроводить, и мне в голову пришла, на мой взгляд, неплохая идея – предложить Ему пойти проведать мою мать. Я знал, что она тоже будет очень рада видеть Его, так как была ревностной *бхактой* Кришны.

«Почему бы тебе не пойти к моей маме и не лечь спать рядом с ней? – однажды ночью спросил Его я. – Ты не даешь мне спать. Иди лучше к ней».

Казалось, что Кришну это предложение ничуть не заинтересовало. Он предпочитал проводить все свое время со мной

и ни разу не пошел к моей матери.

Однажды ночью мама услышала, как мы разговариваем и спросила: «С кем ты говоришь?» «С твоим Кришной, – честно ответил я. – Он беспокоит меня по ночам, не давая спать. Даже с закрытыми глазами я все равно вижу Его, иногда даже более отчетливо, чем с открытыми глазами. Иногда я закрываю голову одеялом, но Он не исчезает. Он всегда хочет спать рядом со мной, но я не могу уснуть, пока Он здесь».

Она зашла в комнату, чтобы убедиться в этом, но не увидела Его. За все время, когда Кришна приходил к нам в дом, ей ни разу не удалось Его увидеть.

Когда Его не было рядом, я всегда хотел, чтобы Он пришел. Я действительно очень хотел Его видеть и играть с Ним. Единственной загвоздкой было то, что зачастую, когда Он приходил, я был очень уставшим и после определенного периода времени, проведенного с Ним, чувствовал, что должен отдохнуть и выспаться.

Он приходил не каждую ночь. Иногда я видел Его, а иногда нет. Я никогда не сомневался в его реальности, и мне в голову не приходила мысль, что это было своего рода видение. А однажды я даже написал Ему открытку, в которой рассказывал, как сильно я Его люблю. Я отправил ее по почте и ничуть не удивился, когда почтальон принес ответ – должным образом запечатанное и франкированное письмо. Он был настолько реален для меня, что мне казалось вполне естественным вести с Ним переписку по почте.

С того момента как Кришна вошел в мою жизнь, я окончательно утратил какой-либо интерес к учебе. Я сидел в классе, делая вид, что внимательно слушаю, но мой ум и сердце были с Кришной. А когда внутри меня поднимались волны блаженства, я растворялся в переживаниях и терял всякий контакт с внешним миром.

Мать Пападжи часто исполняла бхаджаны в своем доме или у кого-нибудь из соседей. Частенько все местные женщины собирались вместе и пели песни, славя Кришну. Пападжи вспоминает, что не раз присутствовал на таких торжественных песнопениях.

Начиная с шестилетнего возраста моя мать брала меня на сатсанги, которые проводились по соседству. Петь *бхаджаны* обычно собиралось около двадцати женщин. Вечернее песнопение сопровождалось хлопаньем в ладоши, барабанными боем и звоном *чимт*. Они похожи на длинные щипцы с медными кольцами на концах. При ударе друг о друга они издают звук. Часто по вечерам она брала меня с собой на *раса лилу*. В такие дни она не отпускала меня от себя ни на шаг.

На представлениях раса лилы некоторые женщины одевались Кришной, в то время как другие представляли Его преданных. Звучали песни, в основном с мольбами, чтобы он предстал перед ними. Я спросил Сумитру, что она помнит

из этих собраний у соседей.

Сумитра: Обычно женщины собирались у нас дома, потому что только у нас было проведено электричество. Было заведено, что *Бхаи Сахиб* встречал их у двери и провожал к матери. Когда все были в сборе, один человек изображал Кришну, а остальные – его почитателей. Исполнялось много песен и танцев, во время которых женщины умоляли Кришну предстать перед ними. Но он не внимал их мольбам. Вместо этого он являлся *Бхаи Сахибу*. Он получил *даршан* Кришны, будучи еще совсем маленьким. Иногда во время пения и танцев он входил в состояние *самадхи*.

Дэвид: Вы когда-нибудь видели, чтобы он играл с Кришной? По его словам, Кришна часто приходил ночью к нему в комнату и играл с ним.

Сумитра: Обычно все дети спали в одной комнате, а мать с отцом – в другой. Кришна приходил в нашу комнату, и *Бхаи Сахиб* играл с ним, но никто, кроме него, не видел Кришну. Я наблюдала, как *Бхаи Сахиб* разговаривал, прыгал и играл, но не видела, с кем он играл. Иногда он предлагал Кришне пойти и поиграть с нашей матерью, так как знал, что она будет счастлива его увидеть, но Кришна всегда отказывался. Ему было интересно играть только с *Бхаи Сахибом*.

Однажды утром я услышала, как *Бхаи Сахиб* рассказывал

матери: «Прошлой ночью, когда я спал, мне почудилось, что в нашей комнате зажжены все лампочки. Когда же я открыл глаза, то увидел, что это не лампочки, а Кришна. Он наполнил всю комнату светом. Я играл с Ним всю ночь, но когда устал, сказал ему: „Моя мама спит в соседней комнате, почему бы Тебе не пойти и не поиграть с ней?“ Но теперь Он не приходит, я скучаю по Нему. Если Он снова придет, я не пошлю Его играть с тобой».

Дэвид: В то время он выполнял какие-либо духовные практики или просто играл с Кришной?

Сумитра: Он всегда выполнял *пуджанат* и предлагал нам присоединиться к нему. И только чтобы угодить ему, другие братья и сестры соглашались присоединиться, но мы никогда не были так увлечены, как он. В конечном итоге практики дали свой результат, и мы стали более серьезно относиться к выполнению практик и обрели веру в Бога.

Теперь я стара, и здоровье уже не то – я страдаю от повышенного количества сахара в крови, – но искренне верю, что Богиня присматривает за мной. Она каждый день дает мне пищу и кормит меня. Я также изготавливаю небольшие брошюры о Раме и Кришне и продаю их. Я полагаю, что вера в Бога во мне была заложена еще в детстве, когда *Бхаи Сахиб* заставлял нас выполнять эти *пуджи*, в процессе которых он передал нам частицу своей страстной веры в Бога.

Сумитра ушла из жизни в 1996 году. До того как она умерла, я написал Лиле, другой здравствующей сестре Пападжи, и попросил ее рассказать, что она помнит о детских годах Пападжи. Она тоже вспомнила раса лилы, в которых Пападжи принимал участие. Она ответила письмом, адресованным моему старшему брату:

Уважаемый Бхаи Сахиб Джи,

Джей Ситарам!

Ты помнишь тот случай, который произошел в Лаялпуре, когда ты был еще маленьким мальчиком? У тебя было благословенное видение *Бхагавана* (Бога). Когда наша дорогая мама и ее подруги выполняли *раса лилу* посреди ночи, она произнесла: «Сегодня, во время *раса лилы*, у нас будет *даршан* (видение) *Бхагавана*». И она громко запела *бхаджан*, в котором были такие слова:

Приди, приди, о мой Кришна, приди!
Хоть сердце мое продолжает биться,
Ничто не находится под моим контролем.
Ночь стала тьмой,
Повсюду черные тучи.
Кришна, устрани преграды между мной и Тобой!
Кришна, пожалуйста, приди, приди!

Полностью предавшись пению, дорогая мама и ее подруги вошли в транс, их сознание оторвалось от внешнего мира. Как только они вошли в состояние транса, Радха (супруга Кришны) и Кришнаджи вышли из соседней комнаты. Тебя потрясло великолепие их ослепительного блеска.

Ты обратился к Нему: «Бхагаван, не я звал Тебя. Дорогая мама звала Тебя. Иди к ней».

Позже, описывая Его внешность, ты говорил, что Его корона и одеяние были усыпаны бриллиантами и жемчугом.

А еще добавил: «Увидев Его ошеломляющую внешность, я поистине стал принадлежать Ему, но Его сияние и блеск украшенного платья были настолько ярки, что я не мог этого долго выносить. Поэтому я попросил Его явиться нашей матери».

Наша дорогая мама потом пришла в сознание и Шри Бхагаван исчез. После такого необычного происшествия ты несколько месяцев был прикован к постели.

На протяжении всей жизни у Пападжи была способность непосредственно переживать то, что обозначают слова, а не только думать о них. Эта неординарная способность проявлялась во многих случаях, и частично это объясняет то, почему боги продолжали являться ему. Когда Пападжи слушал истории о Кришне, Кришна часто появлялся перед ним. В более поздние периоды его жизни и другие божества появлялись перед ним, когда он слушал об от-

носящихся к ним традициях. Иногда он говорит, что это происходит с ним из-за его непоколебимой веры. Он никогда не подвергал сомнению реальность их существования и возможность появляться перед ним – вот в чем причина.

В детские годы я никогда не сомневался относительно этого. Моим первым учителем была моя мать. Какие бы истории она мне ни рассказывала, они тут же происходили со мной. Она обычно рассказывала истории об индуистских богах, и в процессе ее повествования эти события разворачивались передо мной. Герои тут же появлялись и вновь разыгрывали для меня свои драмы. Когда с тобою происходят подобные вещи, какие могут быть сомнения?

В любом случае, эти истории о божествах – не просто истории. В них заложена истина, а рассказы – всего лишь средство ее передачи.

Помимо пения бхаджанов Кришне Ямуна Деври также изучала Веданту, индийскую философию, взятую из Упанишад. Это древние тексты, большая часть которых была написана более двух тысяч лет назад. Философия Веданты, в основе которой лежат эти тексты, – намного более древнее творение.

Мать Пападжи регулярно посещала занятия, которые вел Ишвара Чандер, – он занимался сборами налогов в деревне, а также снимал комнату в доме, владельцами которого была семья Пападжи. Философия Веданты преподава-

лась по Вичара Сагар – книге, написанной пенджабским святым девятнадцатого века Нисчалдасом. В книге Вичара Сагар есть очень специфичные места, поэтому Ишвара Чандер часто прерывал свое чтение и комментировал их. В свое свободное время он также давал Ямуне Деви уроки медитации.

Примерно с семилетнего возраста Пападжи стал приходить на эти занятия со своей матерью. Сомневаюсь, чтобы он полностью понимал значение написанных текстов, но занимался прилежно. Когда Ямуна Деви заметила, насколько сильно его заинтересовали эти занятия, она стала давать разъяснения дома. Вот как Пападжи описывает некоторые из своих ранних уроков:

Мать обучала меня философии на практических примерах. Я был еще совсем ребенком, когда она решила, что пришло время объяснить, как пять элементов – земля, вода, огонь, воздух и пространство – взаимодействуют друг с другом.

«Вода смывает землю», – говорила она мне и иллюстрировала это, показывая, как берега реки были размывы бурными потоками воды. Затем, кладя влажные одежды рядом с огнем, объясняла, что он высушивает воду. На следующем этапе она задувала пламя огня, демонстрируя власть воздуха над огнем. На ее примерах я усвоил, что когда эти элементы сталкиваются друг с другом, обычно один из них уничтожа-

ет другого.

Благодаря ей я уже знал, что тело состоит из этих пяти элементов, и я задавался вопросом, как они могут так гармонично сочетаться, не нанося друг другу ущерб? Этот вопрос послужил причиной следующей демонстрации, которая и стала моим первым уроком по философии.

На полу кухни она рассыпала по кучкам различные виды бобовых и зерновых культур. Там были рис, зерна пшеницы и кукурузы, турецкий горох и бобы – все культуры собраны отдельно. Первоначально в каждой из пяти кучек было по пять однородных культур. Эти пять групп олицетворяли пять элементов.

Прежде всего она взяла одно зернышко из кукурузной кучки и добавила его к пшенице. Так как в пшеничном секторе стало шесть зерен, то она взяла одно зернышко пшеницы и положила его в кучку риса. То же самое она проделала с каждой кучкой, так что в конечном итоге в каждой из пяти групп оказалось по пять различных элементов. Таким образом, цель этого опыта заключалась в том, чтобы продемонстрировать мне, как эти различные элементы, соединенные в одно блюдо, могут спокойно сочетаться, не умаляя достоинств друг друга. Но на этом дело не закончилось. Несмотря на то что я был еще совсем ребенком, моя мать стала читать лекцию о философском значении сочетания этих элементов: «Эти двадцать пять зерен являются таттвами в человеческом теле». А затем она мне их все перечислила.

В самкхье, индийской философии, которую Ямуна Деви преподносила Пападжи в упрощенной форме, дается достаточно сложное объяснение функционирования всех систем человеческого организма. Двадцать пять таттв являются основными компонентами, или элементами, которые вступают друг с другом во взаимодействие и функционируют, обеспечивая существование мира и восприятие населяющей его жизни. Это пять элементов (земля, вода, огонь и т. д.), пять органов чувств (нос, глаза, язык и т. д.), пять составляющих умственной деятельности (эго, ум, интеллект и т. д.), пять «органов действия», в которые входят части тела, ответственные за способность держать предметы, ходить, говорить и т. д., а также пять пран. Праной можно свободно назвать жизненную силу, которая поддерживает человеческое тело в состоянии жизни. Существует несколько пран, отвечающих за функционирование различных внутренних органов.

Знание этих компонентов и способов их взаимодействия лежит в основе понимания некоторых систем индийской философии. Моя мать, которая изучала это у одного из учителей, решила, что я был готов к восприятию всей этой комплексной системы мысли в таком раннем возрасте. Хотя я и улавливал смысл, который она пыталась до меня донести, я все-таки не могу сказать, что принимал все за действую-

щую модель функционирования Вселенной. Инстинктивно я чувствовал, что эти положения и идеи нельзя применить к неизменной, фундаментальной реальности, как если бы они представляли собой идеи об эфемерном теле.

После изложения тщательно разработанной схемы *таттв* и их взаимоотношений между собой наши философы продолжают утверждать, что это не может относиться к тому, что «я есть». Духовные учителя придерживаются того же мнения: «Я – не тело. Я – не органы чувств. Я – не элементы знания. Я – не органы тела. Все это относится к телесной оболочке, а Я выходит за рамки всего этого».

Нужно отбросить отождествление себя с двадцатью пятью компонентами. Только после этого можно начать истинный поиск своего Я. Именно такой поиск в конечном счете приведет к свободе.

Несмотря на то что моя мать была искренней *бхактой* Кришны, она строго придерживалась *Веданты*. Она поощряла меня выполнять практику «*нетти-нетти*» (ни это, ни то), говоря, что я должен отождествлять себя с *Брахманом*, Высшим Я, а не со своим телом и его составляющими компонентами.

Она следила, чтобы я повторял махавакью (великие слова Упанишад): «*Ахам Брахмасми. Я Брахман*».

К тому же она рассказывала мне, что является истинным, реальным, а что следовало отбросить.

«Ты *Брахман*, – повторяла она. – Во всей Вселенной нет

больше ничего, кроме *Брахмана*, и ты есть *Брахман*. *Брахман* выходит за пределы всего, о чем ты можешь думать. Там, где нет сияния солнца, луны, звезд, там не существует таких элементов, как земля, вода, огонь, воздух. Это *Брахман*, и это твое высшее и истинное место пребывания. Если тебе удастся достичь его и обосноваться там, переступив границу физического мира и всех *таттв*, тебе больше не придется возвращаться в бесконечную *самсару* рождения и смерти».

Эти положения было нелегко понять маленькому ребенку, но исходя из моего поведения и интереса к духовной стороне жизни она чувствовала, что я не был обычным ребенком. Я без особого труда впитывал эту информацию и взгляд на жизнь, но лишь много лет спустя полностью смог это принять.

Абзац, где рассказывается о том месте, где нет солнца, луны и звезд, – пересказ шестого стиха пятнадцатой главы «Бхагават Гиты»: «Ни солнце, ни луна, ни даже огонь не могут осветить то высшее лучезарное состояние Я, достигнув которого, они никогда не возвращаются в этот мир. Вот истинное место моего пребывания».

Иногда Пападжи забавляли попытки матери выйти за пределы тела путем отрицания отождествления себя с таттвами или другими составляющими компонентами. Вот что он рассказывает в книге «Интервью с Пападжи»:

Он (Ишвара Чандер) знал множество ведических текстов и вполне компетентно мог читать по ним лекции. Его любимой была книга «*Вичара Сагар*», написанная Нисчалдасом, индуистским святым. Моя мать декламировала наизусть большие отрывки из этой книги. Спустя много лет, когда я познакомился с Шри Раманой Махарши, я узнал, что эта книга тоже его увлекала и что он даже сделал сокращенный перевод на тамильском языке под названием «*Вичара Мани Мала*».

Учитель моей матери наставлял ее запоминать множество ведических *шлок*, которые она обычно повторяла нараспев по нескольку раз в день. Традиционная ведическая *садхана* строится на утверждениях и отрицаниях. Нужно либо повторять вслух или про себя одну из *махавакий*, таких, как: «Я есть *Брахман*», либо отрицать свое отождествление с телом, осмысленно повторяя следующее: «Я – не тело, Я – не кожа, Я – не кровь...» Цель этих практик – убеждение себя в том, что твоя истинная природа – Я, что отождествление себя с телом или же с его составляющими частями ошибочно.

Моя мать всегда распевно повторяла это «Я не...», что очень меня забавляло... Я никак не мог понять смысла этих практик, которые сводились к нескончаемым перечислениям того, чем Я не является. Принимая ванну, мать обычно распевала: «Я – не плоть, Я – не кровь, Я – не желчь, Я – не кости» и так далее. Я не мог этого выносить и кричал: «Что ты там делаешь – моешься или чистишь туалет?» Я так ча-

сто над ней посмеивался, что она наконец-то перестала распевать их вслух.

Не только так он подсмеивался над своей матерью. Перед тем как продолжить описание других примечательных случаев из его детства, Сумитра подробнее рассказала об этом.

Сумитра: Наша мать брала нас с собой в различные религиозные места. Ей очень нравилось ездить в Харидвар, поэтому мы очень часто его посещали.

Ей нравилось петь *бхаджаны* и одновременно бить в барабан. Именно поэтому ее и прозвали *Ямуна дхолки вали* (Ямуна-барабанщица). Во время пения о Кришне она входила в экстаз – раскачивалась из стороны в сторону, а из глаз текли по щекам слезы. Однако такие представления не производили впечатления на *Бхаи Сахиба*. Как только он видел, что она так делает, он окликал ее и говорил: «Мама, кто умер? Почему ты так стонешь?»

Дэвид: Это напомнило мне одну историю. Вы как-то рассказывали, как отреагировал Пападжи на смерть одной из ваших сестер. Не могли бы вы рассказать еще раз?

Сумитра: Однажды, когда *Бхаи Сахиб* вместе с остальными отдыхали, наша мама вошла в комнату и разбудила

нас. Она сказала: «Вы должны встать. Ваша младшая сестра умерла». Мы все начали плакать. *Бхаи Сахиб* заметил, что наша мама не плакала, а вместо этого повторяла: «Рам, Рам».

Бхаи Сахиб спросил: «Почему ты не плачешь?» Мать ответила: «Все, кто приходят в этот мир, должны покинуть его. Так к чему плакать?»

Когда тело принесли на кладбище, *Бхаи Сахиб* сопровождал похоронную церемонию. Перед тем как уйти, он отметил это место. Каждый день он возвращался туда, но не для того, чтобы оплакивать тело. Он приходил туда и раскапывал могилу, чтобы убедиться, что его мертвая сестра вновь вернулась к жизни.

Дэвид: Что запомнилось вам из поездок в Харидвар с *Бхаи Сахибом*?

Сумитра: Каждый год семья проводила там около двух месяцев. Отец брал отпуск, и мы все вместе ездили в этот город.

Как-то во время нашего пребывания там *Бхаи Сахиб* с одним из своих братьев встретил женщину-*садху*, которая, по всей вероятности, соблюдала *мауну* (обет молчания). *Бхаи Сахиб* засомневался в том, что она ни с кем никогда не разговаривала, поэтому он спрятался рядом с ее хижиной, чтобы понаблюдать за ней. Спустя некоторое время к ней подошел мужчина, который принес еду. Они оба поговорили друг с

другом некоторое время, что подтвердило правоту его подозрений. Его так сильно разозлила ее ложь об обете молчания, что он подошел к ее хижине и поджег ее. Она сторела дотла.

Бхаи Сахиб не выносил людей, говорящих неправду. Если он обнаруживал, что кто-то пытается обмануть других людей, он выходил из себя. Он был очень строг с нами дома. Если он когда-либо ловил одного из нас на лжи, то тут же колотил нас. Так мы на собственном опыте узнали, что лучше говорить правду. Он всегда повторял нам: «Какой бы горькой она ни была, всегда говорите правду».

Дэвид: К чему он стремился, когда был маленьким? Кем хотел стать, когда вырастет?

Сумитра: Он всегда хотел быть *садху*. Ни у кого не возникало сомнений на этот счет. Однажды, когда кто-то его спросил, почему он хочет стать *садху*, когда вырастет, он ответил: «Я уже *садху*. Мне не нужно ждать, когда я повзрелею».

Помимо Ишвары Чандера у матери Пападжи было еще несколько учителей. Одного звали Гопал Дасджи, он был хорошо известным исполнителем песен бхакты. Другого учителя звали Госвами Ганеш Дас. Он был социальным работником, а также главой местного отделения индуистской организации под названием «Санатана Дхарма». Этот че-

ловек проводил регулярные встречи в районе, где проживал Пападжи, и Ямуна Деви вместе с другими местными женщинами, включая Брахму Деви, часто посещали эти собрания. Спустя много лет он построил в Харидваре ашрам и назвал его «Ашрам Сант Риши». Пападжи часто бывал в нем в 1970-х и 80-х годах, и к нему всегда относились по-особому, так как его знали как друга основателя этого ашрама.

У Ямуны Деви был еще и другой учитель, из Кашимира, которого звали Авадхута Шалиграм. Он читал ей Йога Васиштху и проявлял большой интерес к духовным продвижениям Пападжи. Пападжи рассказывает о своих отношениях с этим учителем.

Авадхута Шалиграм меня очень любил. Он давал мне книги, и я часто получал от него советы по духовным вопросам. Он был владельцем большого участка земли, у него было много коров, так что половину своего времени он проводил с учениками, а остальное время занимался ведением хозяйства.

Однажды он сделал моей матери шокирующее предложение: «Пожалуйста, отдай мне своего сына. Я сделаю его своим наследником и духовным преемником. Когда я умру, все, чем я владею, перейдет к нему. Я буду следить за его духовным развитием. Все будет так, как я говорю, при одном условии: он не должен создавать семью, а оставаться брахмача-

ри. Если он согласен и нет возражений с твоей стороны, то я обязуюсь заботиться о нем».

Моя мать очень любила и уважала этого человека. Но привязанность ко мне была настолько велика, что она даже и подумать не могла о том, чтобы передать сына кому-либо еще. Я тоже глубоко уважал его, и если бы мать согласилась, то с радостью пошел бы с ним.

Как-то Пападжи сказал мне: «При получении отказа от моей матери он сказал то, что, по его мнению, было своего рода проклятием.

Он сказал: „Если я не получу его, то и ты тоже. Он уйдет из семьи и станет санньясином (монахом-отшельником). Этот мальчик не предназначен для ведения спокойной семейной жизни дома“».

Хотя Пападжи официально никогда не принимал санньясу, он все-таки предпринимал попытки уйти от семьи и мирских обязанностей, хотя ни одна попытка не была осуществлена полностью.

Мать советовалась и с другими свами, однако Пападжи не проявлял интереса к ним. Вот как он описывает неудачную попытку прихода к одному из новых наставников:

Она заявила, что собирается отвести меня к новому свами, так как хотела, чтобы я выслушал его наставления относительно духовных практик. Мне не нравилась ее затея, а

также выбранный ею человек.

Я ответил: «Если ты приведешь меня к этому свами, я испытаю его, чтобы посмотреть, действительно ли он владеет собой, поборов в себе пороки. Как только я войду, я ударю его по лицу. Если он разозлится, я буду знать, что он не может управлять своими эмоциями. А если нет, я выслушаю его и последую всем его наставлениям».

Мать знала, что я смогу воплотить в жизнь эту проверку. Не желая краснеть из-за моей невоспитанности, она оставила свое намерение привести меня к нему.

Когда Пападжи было около десяти или одиннадцати лет, то чудесное состояние счастья, которое он испытывал с того момента, когда проигнорировал манговый напиток в Лахоре, подтолкнуло его заняться изучением жизни Будды.

Я был всего лишь маленьким ребенком и не мог понять, что же случилось тогда со мной. Что-то тянуло меня, но никто не мог ответить, что именно это было. Намного позже я прочитал книгу, в которой говорилось о реализации и просветлении. Если бы я даже и прочел эту книгу в то время, значение написанных там слов не было бы полностью понято мною. Ощущение счастья присутствовало постоянно, но то состояние, которое служило его причиной, было выше этого счастья и выше всех описаний. Если бы я попытался подобрать нужное слово и постарался при помощи него описать

это состояние, мне бы, наверное, это не удалось. К примеру, это не было любовью, так как любовь присуща двум людям, двум отдельным существам, а я был абсолютно один в этом состоянии – ни любящего, ни любимого, ни любви.

Я перестал спать по ночам. Я лежал с закрытыми глазами, но не спал. Что-то опьяняло меня, но я не знал, что именно. Меня окутывало ощущение бесконечного счастья. Оно никогда не утихало. Я не мог оставить его, а оно – меня. Я часто сидел у себя в саду под каким-нибудь кустарником и позволял этому состоянию овладеть мною, даже не осознавая, что это было или что происходило со мной. После в одном из своих учебников я прочел о жизни Будды, как он покинул дом в поисках просветления. Это слово как-то по-особенному отозвалось во мне.

Я подумал: «Возможно, этот человек сможет мне что-нибудь рассказать об этих странных вещах, происходящих со мной».

Я начал собирать информацию о его жизни в надежде, что это послужит объяснением того, что происходило со мной.

Раннее изображение: статуя голодающего Будды, возможно, одна из тех, которая сподвигла Пападжи голодать. Оригинал находится в Лахоре. Во времена юности Пападжи эта репродукция была напечатана во многих детских книгах.

Первоначально Пападжи привлекала физическая форма Будды. Впервые он увидел Будду на известной репродукции, изображающей «Голодающего Будду».

Все началось с того момента, как я увидел изображение Будды в школьном учебнике по истории. Эта картинка отображала период его жизни, когда он жил, питаясь одной рисинкой в день. Его лицо было необыкновенно красивым, а тело походило скорее на скелет – кожа да кости. Меня непреодолимо потянуло к нему, хоть я и не знал тогда о его учении. Я просто влюбился в его прекрасное лицо и решил попытаться стать таким же. На картинке было изображено, как он медитирует под деревом. В то время я не знал этого, даже не знал, что такое медитация.

Невзирая ни на что, я решил: «Я могу сделать это. Я могу сидеть под деревом, скрестив ноги. Я стану как он».

Я стал сидеть со скрещенными ногами в своем саду под

кустами роз. Находясь там, я чувствовал себя счастливым от того, что гармонизировал свою жизнь с жизнью того человека, которого полюбил. Затем, чтобы усилить сходство, я решил, что и мое тело должно походить на скелет. В те дни мы обычно брали еду у матери и съедали ее отдельно друг от друга. Поэтому ничто не мешало мне выбрасывать свою порцию. Когда никто не смотрел, я выходил из дому и скармливал все уличным собакам. Спустя некоторое время я полностью перестал есть. Я очень похудел и ослаб, и наконец-то мои ребра стали выпирать из-под кожи, как у Будды. Такое состояние наполняло меня радостью и гордостью. Мои одноклассники прозвали меня Буддой из-за моей худобы.

Мой отец работал на железнодорожных станциях. В данный период он трудился в Балучистане. А в связи с тем, что это было отдаленное от нас место работы, мы видели его, лишь когда он приезжал в отпуск. Я голодал уже около месяца, и когда он, как обычно, приехал домой, то был шокирован моей худобой. Он стал таскать меня по докторам на обследования, чтобы выяснить причину этого. Никто из них и не подозревал, что я добровольно отказывался от пищи.

Один из них сказал отцу: «Он очень быстро растет, поэтому худеет. Кормите его хорошо, давайте побольше молока и сухофруктов».

Моя мать, последовав совету, отдавала часть своей порции и каждый день повторяла: «Ешь больше масла, ешь больше масла». Собаки на нашей улице стали толстыми и весе-

лыми – новая диета им очень понравилась.

Книга по истории, в которой я увидел иллюстрацию Будды, была обычным детским учебником. В ней приводились основные биографические данные, но концепции медитации и просветления не были освещены должным образом. Вероятно, автор учебника полагал, что такие основополагающие моменты не могут быть интересны детям. Таким образом, я продолжал пребывать в неведении относительно того, что же Будда делал под деревом и чем же было примечательно его окончательное достижение. Тем не менее я все еще стремился иметь с ним как можно большее сходство.

Из этого учебника я узнал, что Будда носил оранжевое одеяние и просил еду, ходя от одного дома к другому с чашей. Это было как раз то, что мне под силу было скопировать, стоило лишь проявить смекалку.

У моей матери было белое сари, и, на мой взгляд, оно идеально подходило для моих целей. Я взял его, так чтобы она не видела, покрасил в оранжевый цвет – цвет одежды Будды, – обернул вокруг себя, чтобы быть похожим на нищенствующего монаха, и, прихватив с собой чашу, пошел по улицам Лаялпура просить подаяния. Перед тем как вернуться домой, я переодевался в обычные одежды, а оранжевое сари заворачивал в бумажный пакет, который прятал среди школьных книг, где, на мой взгляд, никто не должен был его обнаружить.

Один мой друг, узнав о моих проделках, сказал: «Пере-

стань так делать. Кто-нибудь узнает тебя и расскажет об этом твоей семье».

Будучи уверенным, что мой секрет не раскроется, я с ним поспорил: «Твои родители знают меня. Я приду в ваш дом в таком виде и попрошу дать мне еды. Если они не смогут узнать меня, то и никому другому это не удастся».

Я надел сари, вымазал лицо пеплом, чтобы усилить маскировку, одел на голову свой головной убор и, захватив с собой чашу для подаяний, отправился в дом его родителей. Было около восьми часов вечера, так что сумерки были мне на руку. Я закричал: «*Бикша! Бикша!* (Милостыня! Милостыня!)», так как не раз слышал, как это делали *садху*, прося подаяние. Так как мне и в голову не могло прийти, что кто-то может узнать мой голос, я не потрудился его изменить. Открыла дверь мать моего друга и, не подавая виду, что узнала меня, пригласила меня к столу.

«Свамиджи, Бабаджи, зайди и поешь что-нибудь», – сказала она, пропуская меня внутрь и предлагая мне пищу.

Я принял предложение, продолжая играть выбранную мною роль.

«Дитя мое, – сказал я ей, несмотря на то, что она, вероятно, была на тридцать лет старше меня. – Да будет твой дом полной чашей».

Я слышал, как таким образом свами благословляли женщин. Так как большинство женщин хотели жить в богатстве и иметь нескольких сыновей, странствующие свами обычно

поощряли эти мечты своими благословениями, в надежде получить хороший прием и что-нибудь поесть.

Затем, смеясь, она сняла с меня головной убор и сказала, что с самого первого слова поняла, кто я.

«Замаскировался ты замечательно, – сказала она. – Но тебя выдал твой голос».

Затем домой вернулся ее супруг, и она рассказала, что здесь произошло.

Он пренебрежительно добавил: «Тебя всякий узнает, если ты будешь так ходить и попрошайничать. И маскировка тебе не поможет».

Теперь наступила моя очередь смеяться, так как до этого я заходил в его магазин и получил от него медную монетку, которую ему и показал.

Ему пришлось немного пересмотреть свое мнение. «Должно быть, я был занят со своими покупателями, – отпарировал он, – и даже не взглянул на тебя». «Нет, это неправда, – искренне ответил я. – Вы прекрасно меня видели. Я как раз проходил мимо вашего магазина, прося милостыню, когда вы окликнули меня и дали мне эту монетку. У меня хорошая маскировка. Я сколько угодно мог так ходить, если бы не разговаривал с людьми, которые могли бы узнать меня по голосу».

Этих людей развеселила моя выходка, к тому же они не знали, что я проделывал это регулярно, раскрасив украденное мною сари. Они ничего не сказали моей матери, и я мог

продолжать разыгрывать эту роль.

У матери было всего три сари. Однажды, честно говоря, вскоре после того как я стащил белое сари, она выстирала оставшиеся два и стала искать третье, так как ей нечего было надеть. Естественно, она нигде не могла его найти. Ей даже и в голову не могло прийти, что оно понадобилось именно мне, так как я не был девочкой. В конце концов, она решила, что отдала его *дохби* (человеку, который занимался стиркой белья) и он потерял его или забыл вернуть.

Конечная стадия моего подражания Будде наступила, когда я узнал, что он читал проповеди в общественных местах. Эта новая для меня грань его жизни привела меня в трепет. Я абсолютно ничего не знал о буддизме, но и мысли не допускал, что это может помешать мне играть роль Будды.

В центре нашего города стояла башня с часами, а рядом возвышалась платформа, с которой выступали с речами местные политики. Это был настоящий центр Лаялпура, поскольку отсюда расходились все дороги, ведущие в другие города. Я, как обычно, надел свой маскировочный костюм, уверенно взошел на платформу и впервые в жизни стал читать проповедь, обращаясь к народу. Я ничего не могу вспомнить из того, что говорил, но полагаю, что никакого отношения к буддизму это не имело, в связи с тем, что я не располагал никакими знаниями по этой теме. Только помню, что говорил с воодушевлением и азартом. Я говорил горячо, обращаясь к прохожим с большим жаром, иногда поднимая

свою руку и качая пальцем, чтобы придать значимость своим словам (я видел, как, произнося свои речи, жестикулировали политики, и старательно воспроизводил их жесты).

Недавно сделанная фотография башни с часами в центре Лаялпура, под которой Пападжи читал свои проповеди, будучи подростком. По прошествии нескольких лет он произносил здесь политические речи. В годы юности Пападжи территория рядом с башней была отведена парку.

Я чувствовал, что это было началом моей карьеры оратора, и сделал следующий шаг к своей цели – достижению максимального сходства с Буддой во всем, что он делал. При любом удобном случае я возвращался к этой башне и читал проповеди. К сожалению, Лаялпур был маленьким городком, и было неизбежно, что рано или поздно кто-нибудь из моих знакомых узнает меня. Поэтому неудивительно, что однажды один из наших соседей окликнул меня на площади и рассказал матери о моем кривлянье.

Сначала она не поверила этому. «Как такое может быть? – спросила она. – Откуда у него может взяться оранжевая одежда?» Затем, вспомнив о своем потерянном сари, она открыла мой шкаф, где у меня лежали книги, и нашла бумажный сверток. Игра закончилась: эта находка положила конец моей короткой стадии подражания Будде.

Это был абсурдный, но занимательный эпизод моей жиз-

ни, который, оглядываясь назад, я могу рассматривать как отражение моего состояния в то время. Я не был озорным ребенком и никогда не рассматривал этот случай как детскую шалость. Я так поступил под воздействием какой-то силы. Может быть, мои предыдущие *самсары* (привычки из прошлой жизни) подействовали на меня таким образом.

Мать не очень на меня рассердилась. У нас с ней всегда были хорошие отношения, и она смогла увидеть комичность ситуации. Так как она была еще совсем юной, когда родился я, то мы вели себя, как брат и сестра, а не мать и сын. Мы вместе играли, пели и танцевали, даже зачастую спали в одной кровати.

Я поинтересовался у Сумитры, помнит ли она что-нибудь из того периода Пападжи, когда он так хотел походить на Будду:

Дэвид: Вы помните то время, когда он изображал из себя буддистского монаха? Как-то он перестал есть, потому что хотел походить на изображенного на картинке голодающего Будду. Вы помните этот период?

Сумитра: Я не помню, чтобы он специально голодал. Он всегда был худым в детстве, поэтому, вероятно, я и не заметила, как усилилась его худоба. Но я действительно помню тот случай, когда мать отыскала то сари, в котором он про-

сил подаяние и читал проповеди. Она совсем на него не рассердилась. А просто спросила: «И давно ты так переодеваешься? В тебе возгорелась любовь к Богу? Кто зажег в тебе это пламя?» «Для большого костра нужно много дров и хвороста, но сначала загораются тонкие ветки» – таков был его ответ.

На одном сатсанге в Лакнау Пападжи отметил следующее об этом периоде своей жизни: «Первым моим гуру был Будда. Я любил его, следовал его примеру, подражая ему во всем, что я делал. В конце концов, так же как и он, я покинул дом, чтобы найти Бога. И, так же как и он, я наконец-то понял: чтобы найти Бога, совсем необязательно убежать. Бог внутри нас, и искать его где-либо еще – бесполезно».

На другом сатсанге он продолжил рассказ об этом периоде своей жизни.

Как случилось так, что иллюстрация Будды подтолкнула меня к этому? Почему я влюбился в этого человека, медитирующего Будду? У меня нет ответа, и я не могу это объяснить. Что-то двигало мною изнутри, какая-то сила направляла меня подражать ему всеми возможными способами. Это удивительно и не поддается объяснению, так как я ничего не знал о нем. Я не знал ни его истории, ни почему он сидел с закрытыми глазами. Я не имел представления, что он пытался достичь просветления, поскольку до этого я не сталки-

вался с подобным понятием. Я просто ощущал, что должен следовать его примеру. Я не нуждался в подаянии, так как принадлежал к вполне обеспеченной семье среднего класса, а дома у нас было достаточно еды. Никто не принуждал меня идти в центр города и читать там проповеди.

Когда кончился мой период «буддистского монаха», я подражал ему, сидя с закрытыми глазами. Как только у меня появлялось свободное время, я садился, скрестив ноги и закрыв глаза. Даже в школе я частенько закрывал глаза, увлеченный потоком, протекающим через меня.

Нельзя сказать, что я медитировал, так как я ничего не делал для этого. Правильнее было бы сказать, что медитация влюбилась в этого маленького мальчика настолько, что не позволяла ему заниматься чем-либо другим. Она не давала ему уснуть ночью, а некоторыми вечерами даже не позволяла оставаться в постели.

Посреди ночи, даже зимой, что-то шептало ему на ухо: «Вставай, мальчик, уже полночь. Поднимайся с постели, не тревожь своих родителей и садись на пол, позволь мне поглотить тебя».

Это истинная любовь. Это истинная медитация. А когда вы, сидя на земле, пытаетесь не дать вашему уму растечься в десяти направлениях – это не медитация. Это всего лишь игра ума.

Я расспросил Пападжи о некоторых вещах, которые про-

исходили с ним в этот период:

Дэвид: Будучи ребенком, вы не спали по ночам, так как медитировали. Какую медитацию вы практиковали?

Пападжи: Я просто медитировал. Но это продолжалось много часов. Я не повторял мантры и не выполнял никакой особенной практики – просто явственно ощущал, что не должен спать. Я не могу объяснить причину этого чувства. Нет ничего плохого в том, чтобы спать ночью. Может быть, дело было в *турве самскаре* (наклонности прошлой жизни).

Моим родителям не нравилось, когда я медитировал всю ночь. Они обычно говорили: «Ложись спать. Тебе надо выспаться. Завтра ты должен идти в школу».

Они заставляли меня вернуться обратно в постель, накрывали с головой стеганым одеялом. Так я и лежал под одеялом и продолжал медитировать. Они могли прогнать меня с пола, но не могли остановить охватившее меня состояние медитации.

Я не преследовал выполнение какой-либо цели через медитацию, просто на меня внезапно находило это состояние – и чаще всего посреди ночи.

Дэвид: Вы также иногда отмечали, что в детстве время от времени вы видели свет и, даже накрывшись одеялом с головой и закрыв глаза, вы продолжали видеть его. Давайте

поговорим об этом опыте.

Пападжи: Очень часто я видел поток света, даже если закрывал глаза. Это также происходило и днем. И до сих пор я иногда вижу свет, когда сижу в своей комнате.

Дэвид: Был случай, когда ваша медитация была настолько глубокой, что никто не мог поговорить с вами. Что случилось в тот день?

Пападжи: Это случилось зимой, посреди ночи. Мы все спали в одной комнате в нашем доме в Лаялпуре. Я проснулся, сел на пол и стал медитировать. Нельзя сказать, чтобы я сам решил заняться медитацией, просто мое тело поднялось с постели и село на пол. Не думаю, что у меня был какой-либо выбор. Проснулись мои родители и попытались настоять, чтобы я лег обратно в кровать, но все их уговоры были напрасными. Я пребывал в своего рода трансе, и никто не мог установить со мной контакт или заставить меня что-либо сделать.

Спустя несколько часов мой отец оставил свои попытки привести меня в движение. Он отправился за доктором Сингхом – нашим лечащим врачом, так как думал, что я внезапно заболел какой-то серьезной болезнью. Доктор жил примерно в миле от нас. Мой отец разбудил его и привез к нам в дом в личной *тонге* доктора (двухколесной повозке, запря-

женной двумя лошадьми).

Доктор Сингх осмотрел меня при помощи своего стетоскопа, постучал в некоторых местах по спине, затем приоткрыл мои глаза и заглянул в них. Никаких физических отклонений он не обнаружил.

После этого он сказал отцу: «Не беспокойтесь за своего сына и не тревожьте меня. У него нет никаких физических отклонений. Он просто погрузился в глубокое состояние медитации. Я еще никого не видел, кто бы так глубоко медитировал, как он. Должно быть, в своей предыдущей жизни он был йогом. Какие-то старые *самскар* заставляют его пребывать в таком состоянии».

Я находился в этом состоянии два дня – не ел и не пил, просто наслаждался внутренним покоем, окутавшим меня.

Дэвид: Вы также испытали своего рода опыт смерти, когда вам было около двадцати. Не могли бы вы описать, что произошло?

Пападжи: Я неожиданно почувствовал, как будто умираю. Я лежал на полу и ощутил, что у меня остановилось дыхание. В таком состоянии меня нашел отец и позвал железнодорожного доктора. Тот осмотрел меня и сказал, что, должно быть, это астма. Врач выписал лекарство, но оно не принесло никаких результатов.

Я пришел в себя от этого приступа без какого-либо меди-

цинского вмешательства, но это чувство, что я вот-вот умру и утром меня отнесут на место кремации и сожгут, не раз посещало меня.

Это абсолютно меня не тревожило, так как я не считал нужным избегать этого. Напротив, я решил продолжать медитировать, потому что слышал, что некоторые йоги умирали во время медитации. Медитация помогала преодолеть страх смерти, но чувство, что я скоро умру, все-таки преследовало меня еще некоторое время.

Был еще один случай, когда в результате медитаций Пападжи к нему пришлось вызвать доктора Сингха. Вот что рассказывает сам Пападжи:

Когда мне было около пятнадцати лет, я пошел к своему другу на день праздника святых, который отмечался ежегодно. Его мать предложила мне немного *накоры* (хорошо прожаренного пряного блюда), которое она приготовила для праздника. Я съел два кусочка и, так как оно было очень вкусным, попросил еще. К моему удивлению, она мне отказала. Я видел, что она готовила их в больших количествах и собиралась готовить еще, поэтому я никак не мог понять, почему же она ограничила меня двумя *накорами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.